

Предметы пожалования как инструмент политической коммуникации

Анастасия Завитаева

Воронежский государственный университет

Воронеж, Российская Федерация

Резюме. В статье реконструируется система статусных маркеров в Монгольской империи как инструмента политической коммуникации и управления на евразийском пространстве. На основе комплексного анализа официальной истории династии Юань («Юань ши»), трудов М.Г. Крамаровского по изучению поясов и пайцз, археологических материалов Воронежского края («Олень-Колодезь», «Высокая Гора») и духовной грамоты Ивана Калиты XIV века установлено, что пояса и пайцзы составляли строго иерархизированную систему, где материал, форма и декор напрямую коррелировали с государственным рангом обладателя. Исследование выявило общую модель функционирования статусных маркеров, характеризующуюся военной направленностью, централизацией производства и высокой символической нагрузкой. Особое внимание уделено интерпретации завещания Ивана Калиты, где золотые пояса рассматриваются как прямые маркеры связи русских князей с ханским центром власти. Научная новизна работы заключается в доказательстве общеимперской природы системы статусных маркеров от Ханбалыка до Среднего Подонья, что позволяет рассматривать Русь как активного участника имперской системы легитимации, а не как периферию. Разработана методология интеграции китайских текстовых источников, русских письменных памятников и археологических материалов для реконструкции монгольской «технологии управления».

Ключевые слова: статусные маркеры; пояса; пайцзы; политическая коммуникация; Монгольская империя

Для цитирования: Завитаева А.Ю. Предметы пожалования как инструмент политической коммуникации // Крымское историческое обозрение. 2026. Т. 13, № 1. С. 37–50. <https://doi.org/10.22378/kio.2026.1.37-50>

Objects of Grant as an Instrument of Political Communication

Anastasiia Zavitaeva

Voronezh State University

Voronezh, Russian Federation

Abstract. The article reconstructs the system of status markers in the Mongol Empire as a tool of political communication and administration across the Eurasian space. Based on a comprehensive analysis of the *Yuán Shǐ* (the official dynastic history of the Yuan), the works of M. G. Kramarovsky on belts and paizi tablets, archaeological materials from the Voronezh region (Olen'-Kolodez' and Vysokaia Gora burial sites), and the 14th century spiritual charter (*dukhovnaia gramota*) of Ivan Kalita, the study establishes that belts and paizi formed a strictly hierarchical system in which material, form, and decoration directly correlated with the holder's official rank. The research identifies a common functional model of status markers, characterized by a military orientation, centralized production, and high symbolic significance. Particular attention is paid to the interpretation of Ivan Kalita's testament, in which golden belts are treated as direct markers of the Russian princes' connection to the khan's central authority. The scholarly novelty of this work lies in demonstrating the empire-wide nature of the status-marker system – from Khanbaliq to the Middle Don region – thus enabling us to view Rus' not as a periphery, but as an active participant in the imperial legitimation system. Furthermore, a methodological framework is proposed for integrating Chinese textual sources, Russian written monuments, and archaeological evidence to reconstruct the Mongol "technology of governance".

Keywords: status markers; belts; paizi tablets; political communication; Mongol Empire

For citation: Zavitaeva A.Yu. Objects of Grant as an Instrument of Political Communication. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2026, vol. 13, no. 1, pp. 37–50. <https://doi.org/10.22378/kio.2026.1.37-50> (In Russian)

1. Историографический обзор: наследие М.Г. Крамаровского в изучении поясов и пайцз

Марк Григорьевич Крамаровский внес фундаментальный вклад в реконструкцию структуры и семиотики статусных артефактов в Монгольской империи. Его подход отличается междисциплинарностью: он сочетал археологический анализ, лингвистику, искусствоведение и сравнительную историю культур, что позволило ему выйти за рамки локальной археологии и реконструировать общеимперскую систему статусных маркеров.

Одним из объектов его исследований стали поясные наборы XIII–XIV веков. На основе изучения коллекций Эрмитажа, а также материалов из музеев Средней Азии и Кавказа, Крамаровский выделил типологию поясов, основанную на иконографии, материале и композиции. Он показал, что пояса с драконами, львиными масками и растительным орнаментом не являются произвольными украшениями, а отражают ранговую принадлежность их владельцев. Особенно он подчеркивал, что дракон – символ, заимствованный из китайской императорской иконографии, но адаптированный в монгольской среде как знак высшей военной власти [9, с. 217–220].

Важнейшим вкладом Крамаровского стало установление централизованного характера производства таких поясов. Анализ технологий литья, чеканки и инкрустации позволил ему убедительно доказать, что стандартизированные поясные наборы изготавливались в специализированных мастерских при ханских дворах – в Ханбалыке, Сарае или ставках ильханов. Это исключает возможность их массового местного подражания на периферии империи [7, с. 59–60].

В области изучения пайцз Крамаровский одним из первых обратил внимание на их степное, а не китайское происхождение. На основе анализа находок из музейных собраний (включая коллекции Эрмитажа и музеев Казахстана) он проследил генезис института верительных знаков от пайцз чжурчжэней (империя Цзинь). В качестве ключевого свидетельства он приводил бронзовую пайцзу 1145 года из Приморья, которая демонстрирует прямую преемственность форм и функций [8, с. 127–128].

Он также реконструировал визуальную иерархию пайцз:

- золотые пайцзы с изображением тигра (*bars terigutu altan gerege*) предназначались для темников и высших наместников;
- пайцзы с львиной головой – для элиты, командовавшей более чем ста тысячами всадников;
- серебряные пайцзы – для среднего звена администрации.

Эта градация, по его мнению, отражала не только административную, но и сакральную иерархию, восходящую к харизме Чингисхана [7, с. 45–47].

Особое значение Крамаровский придавал надписям на пайцзах. Он показал, что формуляр «Силою Вечного Неба...» – не риторический оборот, а юридически значимый мандат, восходящий к древнемонгольской традиции легитимации власти через связь с Тэнгри. Это делало пайцзу не просто документом, а ритуализированным символом имперского суверенитета [6, с. 200–203].

Наконец, Крамаровский обозначил лингвистическую цепочку: китайское *пайцзы* (牌) → тюркское *байса* → русское *басма*, тем самым связав воедино текстовые, материальные и языковые свидетельства [9, с. 215].

В дополнение к работам М.Г. Крамаровского, важный вклад в реконструкцию иерархической и символической функции золотых поясов внес А.Г. Юрченко. В своей статье он подчеркивает, что золотой пояс в монгольской имперской традиции не был предметом роскоши или элементом бытового костюма, а выступал как официальный статусный маркер, вручаемый лично ханом или по его указу. Юрченко обращает внимание на то, что пояс всегда входил в состав комплексного пожалования, наряду с халатом (*цзяньфу*), шапкой и другими регалиями, что подчёркивало его роль в церемониальной легитимации власти [13, с. 23–25].

Особое значение он придаёт иконографии поясных наборов: изображения драконов, львиных масок и растительных мотивов не носили декоративного характера, а кодировали ранг и функции обладателя. Например, пояса с драконами, согласно его анализу, предназначались исключительно для высшей военной элиты – темников и нойонов, управлявших крупными воинскими формированиями [13, с. 22]. При этом Юрченко отмечает, что распространение таких поясов на периферии империи – от Ирана до Руси – свидетельствует о единой системе визуальной иерархии, где обладание поясом определённого типа означало включение в имперскую структуру власти.

Кроме того, он подчёркивает централизованный характер производства поясов: их изготовление осуществлялось в специализированных мастерских при ханских дворах, что исключало возможность массового местного подражания [1, с. 27].

Также Ю.В. Селезнев показал, что вещевая атрибутика, в том числе набор пожалований (в частности, пояса), включал русских князей в систему иерархических отношений политической культуры Монгольской империи [11, с. 257–260].

Таким образом, наследие М.Г. Крамаровского – это не просто каталог находок, а реконструкция целостной системы символов власти, в которой пояс и пайца выступают как материализованные регалии, визуализирующие связь периферийных элит с центром империи. Именно эту линию – иерархию, символизм и централизацию – мы развиваем в настоящем докладе, дополняя её данными из «Юань ши».

2. «Юань ши» как источник реконструкции имперской системы статусных маркеров

Официальная история династии Юань – «Юань ши» (元史) – представляет собой уникальный корпус текстов для реконструкции символических и административных практик Монгольской империи в её китайском воплощении. Системный анализ этого источника позволяет выявить два ключевых материальных инструмента, с помощью которых осуществлялась

легитимация власти, регулировалась социальная иерархия и обеспечивалась координация действий элит на всём евразийском пространстве: пояс (系腰, *xìyāo*) и пайцза (牌, *pái*). Оба предмета выходят далеко за рамки утилитарного назначения: в «Юань ши» они фигурируют как строго регламентированные элементы имперской наградной и административной системы, чьи материал, форма и декор напрямую коррелируют с государственным рангом обладателя и характером его полномочий.

Пояс как символ статуса и сакрального доверия

В монгольской традиции пояс (系腰) был не просто функциональным элементом одежды, а важным символом власти и маркером социального статуса. Анализ «Юань ши» выявляет чёткую иерархию поясов, соответствующую государственной иерархии империи¹.

Наиболее почётным видом был семисокровищный пояс (七宝系腰, *qībǎo xìyāo*), упомянутый в цзюане 39 как высшая награда, пожалованная царственному князю Сангабале в 1337 году. Термин «семь сокровищ» (七宝) восходит к буддийской традиции и включает золото, серебро, лазурит, коралл, агат, жемчуг и хрусталь. Однако в контексте придворного костюма он, вероятно, не всегда означал буквальное инкрустирование драгоценными материалами. Как отмечается в цзюанях 77–80, «семь сокровищ» могли быть представлены в виде условных узоров – например, каплевидных мотивов, широко распространённых в тканях эпохи Цзинь и Юань и символизировавших драгоценности в тибетской буддийской иконографии (1, с. 246–248). Это позволяет предположить, что в ряде случаев «семисокровищность» была скорее стилистическим кодом, чем физическим составом артефакта.

Наиболее часто упоминаемой наградой был золотой пояс (金系腰, *jīn xìyāo*), даровавшийся преимущественно за военные заслуги высшим сановникам, военачальникам и царственным князьям. Напротив, пояс с упрощённой железной инкрустацией (减铁系腰, *jiǎn tiě xìyāo*) разрешался чиновникам 5-го ранга и ниже (цзюань 78). Регламентация ношения поясов, описанная в цзюанях 78 и 80, подчёркивает их роль в качестве визуального индикатора статуса и близости к императору. Особенно показателен фрагмент из цзюаня 80, где пояс входит в состав придворного костюма свиты: «алый шелковый пояс, расшитый золотом... ремень, стягиваемый нефри-

---

¹ Юань ши // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=862257&searchu=系腰&remap=gb> (дата обращения 15.08.2025).

товой пряжкой». Это свидетельствует о том, что пояс был неотъемлемой частью имперской визуальной риторики.

Важно отметить и сакральную функцию пояса: согласно цзюаню 77, он входил в состав погребального костюма знати: «Его сапоги, носки, пояс, коробка и чаша – всё было сделано из белой замши». Такое включение в погребальный обряд указывает на его роль не только как знака статуса при жизни, но и как защитного или соединяющего элемента в посмертном путешествии, что подчёркивает глубокую символическую нагрузку этого артефакта.

Пайцза как материализованное доверие императора

Параллельно функционировала система пайцз – металлических или деревянных табличек, служивших одновременно удостоверением личности, мандатом на исполнение полномочий, наградой и символом императорского доверия. На основе анализа 76 упоминаний иероглифа 牌 (*pái*) в «Юань ши» можно реконструировать строгую иерархическую и функциональную типологию:

- Золотые пайцзы (金牌, *jīn pái*) – атрибут высшей военной и гражданской элиты. Например, заместителю темника (副万户) полагалась золотая пайцза (цзюань 59). Особую категорию составляли золотые пайцзы с жемчужинами: командиру личной гвардии наследника престола выдавалась пайцза с двумя жемчужинами (二珠金牌, *èr zhū jīn pái*), а его заместителю – с одной (一珠金牌, *yī zhū jīn pái*) (цзюань 15). Эта градация демонстрирует высочайшую степень детализации статусной иерархии.
- Серебряные пайцзы (银牌, *yín pái*) – предназначались для тысячников и сотников, то есть среднего звена управления.
- Круглые пайцзы (圆牌, *yuán pái*) – использовались исключительно для срочных военных или дипломатических миссий. Их выдача строго регламентировалась: «Всем посланникам, если дело не касается срочных военных вопросов, не выдавать золотые круглые пайцзы» (цзюань 8).
- Соколиные пайцзы (海青牌, *hǎi qīng pái*) – предоставляли право доступа к ресурсам для соколиной охоты, что подчёркивает интеграцию бытовых и ритуальных практик в систему имперского управления.
- В отдельных случаях упоминаются тигровые верительные таблички (虎符, *hǔ fú*): «Ему разрешено носить прежнюю тигровую верительную табличку» (就带元降虎符, *jiù dài yuán jiàng hǔ fú*) – что указывает на со-

хранение более ранних, возможно, китайских традиций в рамках монгольской административной системы.

Пайцзы выполняли пять ключевых функций:

1. легитимация административной власти – их получение формализовало назначение;
2. военная награда и стимул – как в случае с Чжан Юаньчжэнем, который в осаде самовольно изготовил пайцзы для награждения героев;
3. дипломатический инструмент – пайцзы вручались иностранным правителям и послам;
4. доступ к ресурсам ямской (почтово-транспортной) системы – без пайцзы не выдавались лошади и провизия;
5. символ власти в условиях кризиса – в период восстаний их массово раздавали ополченцам или подделывали мятежники.

Эволюция института пайцз отражает три этапа развития империи: централизацию при Хубилае (массовое изъятие самовольно выданных знаков), систематизацию и бюрократизацию в XIV веке (создание специализированных учреждений – 符牌局, 典瑞院) и кризис легитимности во второй половине XIV века, когда пайцзы подверглись инфляции статуса: их массово раздавали, дарили вассалам и подделывали².

Общая модель: иерархия, военность, централизация, символизм.

Оба института – пояса и пайцзы – демонстрируют общие черты монгольской «технологии управления»:

- Иерархичность: материал, форма и декор строго коррелировали с рангом;
- Военная направленность: золотые пояса и пайцзы чаще всего вручались за военные заслуги;
- Централизация: их производство и выдача контролировались государственными учреждениями, что подчёркивало монополию императора на легитимацию власти;
- Символическая нагрузка: оба артефакта визуализировали связь обладателя с верховной властью и служили одновременно знаком отличия, мандатом и ритуальным объектом.

Эти данные открывают прочную методологическую основу для изучения аналогичных практик в других частях Монгольской империи, в частности, в Золотой Орде и на Руси. Переводы цитат из «Юань ши», использованные в настоящем исследовании, выполнены на основе электронного издания «Юань Ши».

---

² Юань ши // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=862257&searchu=牌&remap=gb> (дата обращения 24.09.2025).

Далее следует аналитически сопоставить нормативную модель, реконструированную по «Юань ши», с данными М.Г. Крамаровского и археологическими находками (для примера используем таковые на территории Воронежского края).

«Юань ши» чётко фиксирует градацию поясов по материалу и декору. Эта иерархия подтверждается наблюдениями Крамаровского, который показал, что иконография поясных наборов – драконы, львиные маски, растительные мотивы – не носит декоративного характера, а кодирует ранг и функции обладателя. Особенно значимо его утверждение о централизованном и стандартизированном производстве таких поясов в имперских мастерских, что исключает возможность их местного подражания и подтверждает институциональность данной практики.

Археологические комплексы Воронежского края – «Олень-Колодезь» и «Высокая Гора» демонстрируют нам адаптированную, но не искажённую версию данной имперской системы. В «Олень-Колодезе» обнаружена серебряная позолоченная пряжка с драконами, сопровождающая погребение тяжело вооружённого конника с золочёной кольчугой, шлемом, парчовыми одеждами и символическим топориком [4, с. 93–108]. В «Высокой Горе» – поясные бляхи с изображением птиц, что, может указывать на иной, возможно, административный или придворный статус, отличный от чисто военного [5, с. 114].

Критически важно, что материал поясов (серебро с позолотой) формально соответствует рангу ниже 5-го по «Юань ши», однако контекст захоронения – богатство инвентаря – указывает на статус, сопоставимый с 3–4 рангами в главном улусе. Это позволяет сделать вероятный вывод: на периферии, в частности в Орде, действовала адаптированная система рангов, где высокопоставленные нойоны и тысячники, формально зависимые от великого хана, обладали полномочиями, отражавшимися в их регалиях.

Синтез всех этих фактов подтверждает, что институт пояса был общеимперским стандартом, гибко адаптировавшимся к местным условиям, но сохранявшим свою суть как инструмент легитимации, ранжирования и координации элит от Ханбалыка до Среднего Подонья.

3. Русь и пояса: статусные маркеры в духовной грамоте Ивана Калиты

Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты (ум. 1340) представляет собой уникальный документ, в котором статусные маркеры монгольской имперской системы проявляются с исключительной чёткостью. В завещании Калита распределяет между тремя сыновьями – Семёном, Иваном и Андреем – значительное количество предметов роскоши и регалий, среди которых особое место занимают золотые пояса (*нога-*

сы золоты). Их количество, разнообразие типов и контекст передачи позволяют интерпретировать их не как бытовые украшения, а как официальные символы власти, полученные в рамках имперской практики пожалований.

Согласно тексту грамоты, Семёну завещаны три золотых пояса, Ивану – три пояса различного типа, включая «погасъ золотъ болиши с женчюгомъ с каменьемъ», «погасъ золотъ с капторгами» и «погасъ сердоничеи золотомъ окован», а Андрею – также три пояса, среди которых выделяются «погасъ зол(о)тъ фрязьскии с женчюгомъ с каменьемъ», «погасъ золотъ с крюкомъ на чървъчатъ шелку» и, особенно, «поисъ золотъ ц(а)р(е)вьскии» [2, с. 9–10].

«Цесаревский пояс»: титулование и имперская легитимация

Ключевым термином является «ц(а)р(е)вьскии». Как показывает исследование А.А. Горского, к началу XIV века на Руси утвердилась чёткая титулатура: «цесарь/царь» обозначал исключительно правящего хана Золотой Орды, а не его наследника или иного члена рода [3, с. 546–548]. Термин «царевич» для обозначения сыновей хана надёжно фиксируется лишь со второй половины XIV века. Следовательно, «цесаревский пояс» – это пояс, пожалованный самим ханом, либо выданный от его имени как знак особого доверия.

Этот вывод полностью согласуется с наблюдениями Ю.В. Селезнёва, который подчёркивает, что «принадлежность к знатности не могла не найти выражения во внешних признаках, в вещевой атрибутике элиты ордынского общества» [12, с. 96–114]. По его мнению, пояс, наряду с халатом, шапкой, оружием и конём, был неотъемлемым элементом пожалования, сопровождавшего ярлык на управление. Селезнёв отмечает, что персидские источники фиксируют стандартный набор даров: «кафтан, шапку, украшенную драгоценными камнями, и пояс с драгоценным набором» [12, с. 101]. Именно такой комплексный характер пожалований мы видим и в завещании Калиты.

«Пояс с крюком на червчатом шелку»: придворный костюм империи

Особое внимание заслуживает упоминание у Андрея «погаса золота с крюком на чървъчатъ шелку». Формулировка напрямую соотносится с описанием придворного костюма в «Юань ши»: «алый шелковый пояс, расшитый золотом... ремень, стягиваемый нефритовой пряжкой» (цзюань 80). «Червчатый шёлк» – это именно алый (красный) шёлк, традиционно ассоциировавшийся с высшим рангом в имперской иерархии. Таким образом, пояс Андрея – не просто драгоценный предмет, а регалия,

соответствующая придворному статусу, полученная в составе официального пожалования.

Множественность поясов: карьера в рамках имперской системы

Биография Ивана Калиты (ок. 1288–1340) – это история последовательного и многократного подтверждения его статуса со стороны ханов Золотой Орды. Он совершил не менее восьми поездок в Орду (с 1327 по 1339 гг.), что само по себе является беспрецедентным для русских князей [11, с. 143–150]. Каждая такая поездка, особенно в контексте борьбы за великое княжение, сопровождалась церемонией пожалования, описанной в персидских источниках: «*халат, шапка, пояс с драгоценным набором*» [12, с. 101].

В «Юань ши» золотые пояса (金系腰, *jīn xìyāo*) дарились:

- за военные заслуги (подавление мятежей);
- за гражданские достижения (управление, строительство);
- в церемониальных случаях (возвращение из поездок, дарение даров хану).

Иван Калита идеально соответствует всем трём категориям:

- Военные заслуги: (возможно, участие в карательной экспедиции против Твери в 1327 году, за что он и получил ярлык на великое княжение).
- Гражданские достижения: успешное управление Москвой и Владимиром, сбор дани, поддержание порядка на Руси – что было в высшей степени выгодно Орде.
- Церемониальные поездки: каждая из его восьми поездок в Орду была актом лояльности и сопровождалась дарами хану, за что тот, в свою очередь, обязан был ответить пожалованием [10, с. 291].

Таким образом, семь золотых поясов, упомянутых в завещании, троим сыновьям (по три каждому, один из которых у Семёна – цесаревский), – это не вымысел или риторическое преувеличение, а материальное отражение его долгой и успешной карьеры в рамках имперской системы. Каждый пояс мог быть получен:

- в ходе отдельной поездки в Орду;
- в качестве награды за конкретное достижение (например, за подавление нового мятежа);
- в составе комплексного пожалования вместе с ярлыком на великое княжение.

Эта практика полностью соответствует данным «Юань ши», где золотые пояса редко дарились в изоляции, а всегда сопровождались другими регалиями – шелком, серебром, титулами. Именно такой комплексный характер пожалований мы видим и в завещании Калиты.

Серебряные пояса: иерархия и периферия

Критически важно и то, что серебряные пояса («погасовъ серебряныхъ») Калита завещает не сыновьям, а «по п(о)пдьмъ» – вероятно, церковным иерархам или приближённым низшего ранга. Это прямо коррелирует с нормами «Юань ши», где серебряные пояса разрешались чиновникам 5-го ранга и ниже (цзюань 78). Таким образом, Калита воспроизводит в своём завещании имперскую иерархию: золото – для наследников власти, серебро – для подчинённых.

Происхождение поясов: централизованное производство

Происхождение этих поясов не может быть объяснено местным производством. Как показывают исследования М.Г. Крамаровского и подтверждает анализ Ю.В. Селезнёва, выпуск даже одного стандартизированного золотого пояса требовал работы специализированных мастерских при ханском дворе. Следовательно, все золотые пояса Калиты были получены им лично от хана Золотой Орды, скорее всего, в ходе церемоний пожалования, сопровождавших его поездки в Сарай. Каждый пояс – это материализованный акт легитимации, подтверждавший его статус великого князя как наместника хана на Руси.

Таким образом, духовная грамота Калиты – не просто перечень имущества, а документ имперской иерархии, в котором пояса выступают как ключевые маркеры статуса, полученного в рамках общевразийской системы монгольской власти.

Заключение: к единой модели имперской интеграции

Анализ «Юань ши», сопоставленный с данными русских летописей, исследованиями М.Г. Крамаровского и археологией Воронежского края, позволяет утверждать: пояс в Монгольской империи был не украшением, а институтом – стандартизированным, централизованно производимым и строго иерархизированным инструментом легитимации.

Духовная грамота Ивана Калиты, ранее воспринимавшаяся как перечень ценностей, в этом свете обретает институциональный смысл, как прямой маркер связи с правящим ханом Орды. Множественность поясов у Калиты отражает не риторическое преувеличение, а реальную практику многократных пожалований, подтверждённую его восемью поездками в Орду и соответствующими категориями награждений в «Юань ши»: военные заслуги, гражданское управление, церемониальная лояльность.

Таким образом, пояс становится ключом к реконструкции имперской интеграции. Он позволяет перейти от абстрактных представлений о «влиянии Орды» к конкретной модели: русские князья, ордынские нойоны и чиновники Юань были включены в единую систему статусных маркеров, где

право на определённый пояс означало не просто признание, а формальное включение в структуру власти. Это открывает путь к новой интерпретации не только археологических находок, но и летописных терминов – «басма», «ярлык», «цесарь» – как элементов единого евразийского политического языка.

Перспектива дальнейших исследований – в развитии этого подхода: сопоставление типологии поясов, практик пожалований и титулатуры на всём пространстве бывшей империи позволит создать подлинно трансрегиональную историю монгольской легитимации, в которой Русь займёт своё законное место, как активный участник имперской системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бир Р. Тибетские буддийские символы. М., 2013. 248 с.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 586 с.
3. Горский А.А. Цесарь-царевич-князь: о времени складывания русской титулатуры для ордынской аристократии // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 543–551. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.543-551>
4. Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 93–108.
5. Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая Гора» на юге Воронежской области // Донская археология. 2000. № 3–4 (8–9). С. 114.
6. Крамаровский М.Г. Два вектора в формировании культуры монгольской элиты XIII–XIV вв. // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул. 2012. С. 200–203.
7. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
8. Крамаровский М.Г. Куманские пояса в Дешт-и-Кыпчаке и на Балканах в XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник 2003–2004. М.: Наука, 2005. С. 127–128.
9. Крамаровский М.Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник. 2002. М.: Наука, 2003. С. 212–224.
10. Селезнёв Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж, 2013. 336 с.
11. Селезнёв Ю.В. Признаки принадлежности к элите Джучиева улуса в вещевой атрибутике // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. М., 2011. С. 257–260.
12. Селезнёв Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносов, 2017. 263 с.
13. Юрченко А.Г. «300 золотых поясов» в монгольском имперском контексте // Имперская власть: сб. науч. ст. М.: Евразия, 2015. Т. 14. С. 19–29.

REFERENCES

1. Beer R. Tibetan Buddhist Symbols. Moscow, 2013. 248 p. (In Russian)
2. Spiritual and Treaty Charters of the Grand and Appanage Princes of the 14th–16th. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1950. 586 p. (In Russian)
3. Gorskii A.A. On the Formation Period of the Russian Titulature for the Golden Horde Aristocracy. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 2025, vol. 13, no. 3, pp. 543–551. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.543-551> (In Russian)
4. Efimov K.Yu. Golden Horde Burials from the Olen'-Kolodez' Burial Ground. *Don Archaeology*, 1999, no. 3–4, pp. 93–108. (In Russian)
5. Kravets V.V., Berezutskii V.D., Boikov A.A. Burials of the Nomadic Nobility of the Golden Horde Period in the 'Vysokaia Gora' Kurgan Group in the South of Voronezh Region. *Don Archaeology*, 2000, no. 3–4 (8–9), p. 114. (In Russian)
6. Kramarovskiy M.G. Two Vectors in the Formation of the Culture of the Mongol Elite in the 13th–14th centuries. *History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia*. Barnaul, 2012, pp. 200–203. (In Russian)
7. Kramarovskiy M.G. The Gold of the Genghisids: The Cultural Heritage of the Golden Horde. St. Petersburg: Slaviia, 2001. 364 p. (In Russian)
8. Kramarovskiy M.G. Cuman Belts in Desht-i Kipchak and the Balkans in the 13th–14th centuries. *Turkological Collection 2003–2004*. Moscow: Nauka Publishing House, 2005, pp. 127–128. (In Russian)
9. Kramarovskiy M.G. Symbols of Power among the Early Mongols. Golden Horde *Paizi* Tablets as a Phenomenon of Official Culture. *Turkological Collection. 2002*. Moscow: Nauka Publishing House, 2003, pp. 212–224. (In Russian)
10. Seleznev Yu.V. Pictures of the Horde Yoke. Voronezh, 2013. 336 p. (In Russian)
11. Seleznev Yu.V. Signs of Belonging to the Elite of the Jochid Ulus in Material Attributes. *Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space*. Proceedings of the 5th International Conference Dedicated to the Memory of G.A. Fedorov-Davydov. Moscow, 2011, pp. 257–260. (In Russian)
12. Seleznev Yu.V. Russian Princes at the Court of the Golden Horde Khans. Moscow: Lomonosov Publishing House, 2017. 263 p. (In Russian)
13. Iurchenko A.G. “300 Golden Belts” in the Mongol Imperial Context. *Imperial Power: Collection of Scientific Articles*. Moscow: Evraziia Publishing House, 2015, vol. 14, pp. 19–29. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия Юрьевна Завитаева – студентка 4 курса бакалавриата исторического факультета, Воронежский государственный университет (394018, Московский проспект, 88, Воронеж, Российская Федерация); ORCID: 0009-0003-9889-5673. E-mail: anastasiazavitaeva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiia Yu. Zavitaeva – fourth year undergraduate student at the Faculty of History, Voronezh State University (88, Moscow Avenue, Voronezh 394018, Russian Federation); ORCID: 0009-0003-9889-5673. E-mail: anastasiazavitaeva@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 10.01.2026

Принята к публикации / Accepted 11.03.2026